

НА ЛИНИИ ФРОНТА

ПРАВДА О ВОЙНЕ

Михаил Бобров

ЗАПИСКИ ВОЕННОГО АЛЬПИНИСТА

**ОТ ЛЕНИНГРАДСКИХ ШПИЛЕЙ
ДО ВЕРШИН КАВКАЗА**

1941—1945

На линии фронта. Правда о войне

Михаил Бобров

**Записки военного альпиниста.
От ленинградских шпилей до
вершин Кавказа 1941–1945**

«Центрполиграф»

2015

УДК 94(47).084.8

ББК 63.3(2)622

Бобров М. М.

Записки военного альпиниста. От ленинградских шпилей до вершин Кавказа 1941–1945 / М. М. Бобров — «Центрполиграф», 2015 — (На линии фронта. Правда о войне)

Книга М.М. Боброва – героя-фронтовика, прославленного российского спортсмена, тренера, педагога, ученого, почетного гражданина Санкт-Петербурга – состоит из двух частей, отражающих две уникальные ипостаси автора в годы Великой Отечественной войны. В первой части рассказано об одной из самых редких воинских специальностей – верхолазах-маскировщиках. В их числе автору выпала тяжелейшая и опаснейшая работа по маскировке золотых архитектурных доминант блокадного Ленинграда, использовавшихся фашистской артиллерией и авиацией в качестве ориентиров для ведения огня и бомбометания. Вторая часть книги посвящена истории противостояния советских горнострелковых отрядов и специальных подразделений германского вермахта в экстремальных условиях высокогорья в Приэльбрусье во время битвы за Кавказ (1942–1943). Тогда автор был старшим инструктором военного альпинизма 105-го отдельного горнострелкового отряда. Издание содержит уникальный по информативности и достоверности исторический материал. Автор вовлекает читателя в описываемые события, с болью и гордостью повествуя о подвиге защитников Кавказа. Предназначено для широкого круга читателей, интересующихся отечественной военной историей, альпинизмом, горным туризмом.

УДК 94(47).084.8

ББК 63.3(2)622

© Бобров М. М., 2015
© Центрполиграф, 2015

Содержание

Человек-победитель	6
От автора	8
Часть первая	10
Глава 1	11
Глава 2	15
Глава 3	20
Ольга Афанасьевна Фирсова (1911–2005)	20
Александра Ивановна Пригожева (1920–1942)	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Михаил Бобров

Записки военного альпиниста. От ленинградских шпилей до вершин Кавказа. 1941—1945

Человек-победитель

Жизнь Михаила Михайловича Боброва достойна экранизации в приключенческом жанре. Ленинградский мальчишка, спортсмен начал свой ратный подвиг в неполные восемнадцать лет и сумел сделать больше, чем иные военачальники. В первой части книги идет рассказ о верхолазах, как их сейчас называют – высотниках, которые в тяжелые блокадные годы маскировали золотые архитектурные доминанты прекрасного Санкт-Петербурга. Все эти золотые вершины служили для фашистских артиллеристов и летчиков привязками и ориентирами для прицельной стрельбы и бомбометания по военным объектам, школам, госпиталям, скоплениям людей.

В бригаде верхолазов-маскировщиков работал тогда и автор этой книги М.М. Бобров. Именно они – блокадные маскировщики – спасали красоту города и жизни многих ленинградцев. Повествование о работе этих смелых людей продолжено до настоящего времени, где промышленные альпинисты совместно с вертолетчиками помогают в реставрационных работах по ремонту высотных объектов.

Из блокадного города девятнадцатилетний лейтенант Михаил Бобров был направлен на Кавказ, где в качестве старшего инструктора 5-го отдельного горнострелкового отряда воевал со знаменитыми немецкими горными егерями.

Поражают мужество и самоотверженность немногочисленных советских горнострелковых отрядов и партизан-горцев в противостоянии специальным горным подразделениям, не знавшим до той поры поражений. Знания, опыт, личный пример, крепкие руки и боевой дух спортсменов-альпинистов, в числе которых был и Михаил Михайлович, спасли немало солдатских жизней.

От результатов войны на высотах свыше 4000 метров, так же как и от хода Сталинградской битвы, напрямую зависела судьба всей Второй мировой войны на Евразийском континенте. Если бы немцам удалось до зимы 1942/43 года пройти через перевалы Главного Кавказского хребта в тыл обороняющихся войск, для Советского Союза последствия были бы катастрофическими. Слишком значительные ресурсы оказались бы потеряны, и в первую очередь – нефтяные месторождения в Чечено-Ингушской и Азербайджанской ССР, к которым рвался Гитлер. В случае успеха немцев в войну на их стороне наверняка выступила бы Турция. Фашисты тогда высвобождали значительные силы для захвата Сталинграда и Астрахани с последующим выходом на Ближний Восток и Среднюю Азию. И хотя, как говорится, история не терпит сослагательного наклонения, учитывая эти обстоятельства, можно утверждать, что будущая мировая история в то время в значительной мере зависела от успеха гитлеровцев на Кавказе.

Современному человеку, не осознающему тяжести тотальной войны на полное уничтожение, тяжело представить себе, какие лишения выпали на долю тех, кто защищал тогда нашу страну. И война в горах здесь стоит особняком. А в части второй данной книги «Фронт над облаками» речь идет о самой высокогорной войне в истории. Ко всем опасностям, которые готовит опытный противник, здесь добавляется борьба с суровой горной природой – лавинами,

камнепадами, морозами ниже —30°, ветрами и нехваткой кислорода. Не за счет превосходства в вооружении, а только благодаря своему патриотизму, своим исключительным моральным качествам, преодолевая зачастую инстинкт самосохранения, нашим горным стрелкам удалось удержать перевалы и не пропустить в Закавказье прекрасно подготовленных и экипированных немецких егерей.

Несомненно, что молодые поколения в целях нормального патриотического воспитания должны иметь перед глазами примеры доблести и славы своего великого народа. Тем не менее современные дети растут на западных кинофильмах. А ведь история нашей страны, как ничья другая, изобилует и подвигами мирного времени, и непревзойденными примерами личного мужества и героизма воинов, пред которыми бледнеют голливудские герои.

Такие книги, как эта, дают возможность из нашего времени господства материальных ценностей и утверждающего себя общества потребления заглянуть в героическое прошлое наших народов, ощутить величие их подвига, свет души, невыразимую внутреннюю силу и достоинство людей прошлых лет.

А.А. Михайлов, доктор исторических наук, профессор

От автора

Моя книга посвящена спортсменам-альпинистам, которые в годы Великой Отечественной войны применили свои навыки для защиты Отечества. В тот период наша страна в полной мере осознала необходимость в такой уникальной специализации, как военный альпинизм.

Горы – естественный защитный барьер, но его важно грамотно использовать при обороне своей территории. Горы – особое пространство, оно принимает только «своих». Тех, кто умеет жить и работать в прямом смысле *на высоте*.

Быстро научиться этому нельзя. Умение ориентироваться в горах, читать рельеф, совершать восхождения, ходить по леднику, лазить по скалам, спускаться на лыжах по неподготовленным склонам дается годами упорных тренировок с детского возраста. Это техника, это база, без которой любые действия в горах, в том числе военные, не будут эффективны.

Не могли быть эффективными и высотные работы по маскировке золотых шпилей Санкт-Петербурга, если бы в блокадном городе не нашли ребят, занимавшихся до войны альпинизмом и скалолазанием. Ленинград находился под артиллерийским обстрелом, и сияющие шпили очень помогали врагу вести прицельный огонь. Маскировка высотных доминант стала задачей стратегической важности...

В этой связи важно помнить, что юные спортсмены – не только достойная смена в борьбе за олимпийские медали. Это стратегический ресурс страны.

Мой жизненный опыт свидетельствует, что мы победили во Второй мировой войне и смогли потом восстановить страну во многом благодаря развитию и поддержке массового спорта. Я подчеркиваю это не только как военный, как ветеран войны, но как спортсмен и педагог.

В спортивных секциях дети проходят достойную школу жизни. В них крепнет командный дух и достоинство, гордость за свой город, который они представляют на соревнованиях. Ребята учатся уважать своих наставников, работать над собой, сражаться и побеждать, а также по-настоящему дружить и стоять друг за друга. Они осознают идеалы и ценности. Все эти качества необходимы не только для достижения спортивных высот. Это неотъемлемые качества личности настоящего патриота и защитника своей Родины. Спорт лишь помогает их сформировать.

Но так будет только при одном условии: если детский спорт снова станет массовым, а спортивные школы – доступными для всех, то есть бесплатными.

В платной секции между ребенком, его родителями и тренером складываются совсем другие отношения, не предполагающие работу над личностью. В лучшем случае ребенку дается специализация, и то в половину сил, в развлекательном режиме. Нет стимула выкладываться, нет динамики, нет преемственности.

Платный тренер работает с тем, кто заплатил сегодня. Он лишен возможности выбирать лучших и удерживать их в команде. Дети из бедных или неполных семей, где матери не в состоянии оплачивать занятия, а также форму, снаряжение и соревнования, остаются неохваченными. Они идут своими путями, часто не самыми верными. Помните, раньше тренеры ходили по школам? Как часто они отбирали самых отъявленных хулиганов. Очень многие неординарные, выдающиеся ребята, не оказавшись они в нужный момент в спортивной школе, осели бы в криминальной среде.

Полагаю, что сегодня необходима отдельная государственная программа по возрождению бесплатных детских спортивных школ, цель которой – не столько возвращение чемпионов, сколько повышение общего уровня физической культуры и укрепление моральных качеств подрастающего поколения.

Когда государство дает большие возможности – крепнет желание любить и защищать свою Родину. В моем случае вышло именно так.

Пусть сегодня у детей будет счастливое спортивное детство. Пусть они занимаются спортом и соревнуются с удовольствием. Пусть знают себе цену. Свою силу и мощь, чтобы достойно реализоваться в профессии и постоять за близких. Сильный сплоченный народ – лучшая гарантия мира, стабильности и благополучия.

Первый шаг к тому – Указ Президента Российской Федерации о возрождении системы ГТО. Полностью поддерживаю. Но важно, чтобы в стране была создана не только система тестирования, но и система подготовки детей по требуемым стандартам. Лучше всех с этой задачей справились бы бесплатные детско-юношеские спортивные школы.

И мне бы очень хотелось, чтобы в перечне обязательных дисциплин этих спортивных школ были *альпинизм, горный туризм, скалолазание, горные лыжи*.

Занимайтесь спортом под мирным небом!

Будьте здоровы и счастливы.

Ваш *Михаил Бобров*

Часть первая

Блокадный альпинист

*Моим друзьям альпинистам-маскировщикам блокадного
Ленинграда посвящаю*

О блокадном Ленинграде написано много книг, в том числе и об альпинистах-маскировщиках, прятавших от фашистских артиллеристов и летчиков золотые доминанты города, которые позволяли врагам прицельно уничтожать архитектурные памятники, военные объекты, заводы и его жителей.

В сентябре 1941 года, почти 75 лет назад, с началом блокады Ленинграда, началась и маскировка золотых куполов, шпилей, луковок, маковок и крестов, выдававших врагу наш город своими бликами, сияющими в солнечные дни и лунные ночи.

Мне, как участнику бригады верхолазов-альпинистов, маскировавших золотые доминанты, хотелось бы вновь вернуться к воспоминаниям тех дней с позиций очевидца и действующего лица этих событий и раскрыть образы людей, которые спасали красоту Северной Пальмиры и жизни многих его жителей от прицельного артиллерийского огня и бомбежки.

Из нашей бригады я остался один, тем более мне необходимо еще раз вспомнить о моих боевых товарищах в год юбилея Великой Победы. У них было много общего. И порой кажутся странными, неправдоподобными их искренний патриотизм, оптимизм, бескорыстие, чистота помыслов, способность к самопожертвованию, к подвигу во имя Победы. Все они были романтиками. Наверное, поэтому и стали альпинистами. Будь на их месте другие, они пожалели бы себя гораздо раньше, не переходя последней черты физического истощения. И возможно, спаслись, уехали бы из блокадного города, но это были бы уже другие люди. Мои близкие друзья не могли поступить иначе. Они страстно любили свой город, работали и сражались за него, пока держались на ногах.

Когда сейчас, в мирное время, я смотрю на сияющие золотом соборы, всегда вспоминаю моих прекрасных друзей, с кем работал в одной фронтовой альпинистской связке, спасшей эту красоту.

Мне довелось побывать почти на всех золотых вершинах Санкт-Петербурга. Много раз я видел с высоты птичьего полета наш сказочный город и в годы войны, и в мирные дни. Поверьте, нет ничего краше панорамы нашего чудо-города. Он хорош в любую погоду, особенно в белые ночи, которые придают неповторимый колорит Северной столице.

Уместно поблагодарить дирекции Исаакиевского и Петропавловского соборов, хорошо организовавшие обзорные экскурсии на этих доминантах. Они необычны тем, что Нева с гладью реки и зеркалом воды взморья, стрелка Васильевского острова, Дворцовая набережная, Троицкий и Дворцовый мосты предстают перед нами во всей своей непревзойденной красоте. Тем более обидно, когда эту «небесную линию» нарушают отдельные высотные здания из бетона и стекла, как их назвал академик Д.С. Лихачев, «торчки».

Великий русский архитектор В.И. Баженов при выборе мест расположения доминант говорил: «Полезда и красота нераздельны должны быть». А что касается выбора оптимальных размеров и формы доминанты, то здесь лучше всего соблюдать старое правило, которого придерживались плотники Древней Руси: «Рубите высоту, как мера и красота скажут».

Любите свой Великий город.

Глава 1 Начало

*Это имя как гром и как град:
Петербург, Петроград, Ленинград!*

Н. Асеев

Война стремительно ворвалась в наши дома. Конечно, ее приближение ощущалось, и мы знали, что когда-нибудь этот час придет. К войне готовилась вся страна, весь народ. Даже мы, мальчишки, окончившие школу в 1940 году, рванули на военные заводы, чтобы помогать старшим во всеоружии встретить врага. Каждый из нас стремился сдать все нормативы на очень почетные в довоенное время значки: «Готов к труду и обороне», «Готов к санитарной обороне», «Ворошиловский стрелок», «Готов к химзащите», которые с достоинством носили на груди. Активно занимались спортом, в технических кружках. Многие были донорами.

На заводе «Прогресс» у Финляндского вокзала, где я работал, выпускали военную оптическую продукцию, и там особое внимание уделялось допризывной подготовке молодых рабочих. Пропустить такие занятия без уважительной причины было смерти подобно – наказание следовало неотвратимо. Каждый рабочий считал за честь заниматься в спортивной секции. Я серьезно увлекался горнолыжным спортом, альпинизмом, бегом на средние дистанции. Спортивный инвентарь, залы, бассейны предоставлялись бесплатно, путевки в альпинистский лагерь на Кавказ и проезд по железной дороге оплачивали профсоюзы.

Мы радовались жизни, работали, любили свою Родину и беззаветно были ей преданы.

22 июня 1941 года объявление о войне застало меня на городском массовом профсоюзно-комсомольском легкоатлетическом кроссе в Удельном парке, где я выступал на пятикилометровой дистанции. Каждый переживал услышанное по-своему. Участники соревнований под впечатлением от сообщения по радио долго не расходились, стояли группками, переговаривались вполголоса.

Мы решили на следующий день собраться на заводской митинг и добровольцами уйти на фронт. На митинг пришел весь завод. Но все оказалось не так просто. Каждый работник завода стоял на строгом учете, имел военную бронь, и директор пригрозил нам казарменным положением, если мы обратимся в военкомат с заявлениями записаться добровольцами.

У военных комиссариатов города толпились люди – выпускники школ, студенты и преподаватели вузов, рабочие заводов и фабрик, некоторые приходили семьями.

Через неделю после начала войны в Ленинграде были созданы штаб и политотдел добровольцев. Через десять дней в народном ополчении насчитывалось более ста тысяч воинов в возрасте от восемнадцати до пятидесяти лет.

На заводах, фабриках, в организациях и учреждениях установился образцовый порядок. Чувствовались удивительная самодисциплина и трудовой подъем. Ни у кого ни на секунду не возникала мысль о том, что фронт может приблизиться к городу и тем более что нашим городом могут овладеть фашисты. Все считали, что вот-вот произойдет перелом и бои будут идти на территории противника.

Настроение было бодрое. Полки магазинов ломились от продовольственных товаров. Люди по-прежнему ходили в гости. Городские парки и пляжи, особенно у Петропавловской крепости, оккупировала отдыхающая и загорающая публика. Когда началась эвакуация, никто не хотел уезжать.

ИЗ ДНЕВНИКА: 1 июля 1941 года

«Мне здорово повезло. Я и мои заводские друзья-спортсмены приглашены в городской комитет комсомола на собеседование. Встречу с нами, кроме горкомовских работников, проводили четверо солидных мужчин, двое из них были в военной форме. Уточняли наши биографии, расспрашивали о родных, знакомых, о занятиях спортом, интересовались увлечениями. Наши производственные и комсомольские характеристики у них уже на руках. Со мной и еще с тремя ребятами получилась заминка – нам всем было по семнадцать лет, а брали с восемнадцати. Меня выручило знание немецкого языка и приближающееся восемнадцатилетие в августе. Ну и, конечно, за меня попросили старшие друзья. Я оставлен в списках прошедших собеседование. Ответ дадут завтра в Красногвардейском райкоме комсомола».

На следующий день часов в двенадцать в цех пришел секретарь заводского комитета комсомола и сообщил, что нас к 16.00 вызывают в военный комиссариат с вещами, откуда мы будем отправлены в Новочеркасские казармы на Охте. Там происходило формирование спецподразделений для заброски в тыл противника.

Сборы были спешными. Мать – в слезах, отец переживал, но тщательно скрывал это и гордился, что на войну я уходил добровольцем. В тот же вечер нас в казармах распределили по группам, специализациям и направлениям.

С утра 3 июля начались спешные напряженные занятия по десять – двенадцать часов в день. Краткий курс включал рукопашный бой, стрельбу из всех видов оружия, подрывное дело, ориентировку и передвижение на местности, метание гранат, бой с собаками, уход от преследования, топографию, наблюдение, радиодело и многое другое. Ребята мы были крепкие и выносливые, но к концу дня валились с ног. Спали как убитые, подъем был для нас испытанием, но хорошая утренняя пробежка снимала сонливость, а зарядка давала бодрость на весь день.

Четыре безумных дня, насыщенные до предела, пролетели как один час. Вечером 6 июля разрешили встречу с родными. А в ночь на 7 июля вооруженные, как говорится, до зубов, обеспеченные всем, чтобы месяц и более отработать в тылу врага, мы погрузились в грузовые машины и двинулись по Киевскому шоссе на юг, навстречу фашистам. Я никогда не забуду картину той белой ночи, когда вереница машин, везущих нас к фронту, поднималась по шоссе на Пулковские высоты.

Многие из нас последний раз смотрели на панораму удаляющегося города и висящие в тревожном небе темные аэростаты воздушного заграждения. И я уверен, что каждый гадал в ту ночь, вернется ли он домой. Мне выдали трофейный финский автомат «^уоми» и немецкий «Парабеллум», а также командировочное удостоверение, которое я должен был в экстренном случае уничтожить. Там значилось: «Предъявитель сего Бобров Михаил Михайлович состоит красноармейцем партизанского отряда № 2/99 и направляется в район Загоски-Теребушино для выполнения специального задания штаба Северного фронта. Начальник отдела штаба Северного фронта Атрощенко». В левом верхнем углу – штамп штаба Северного фронта с датой начала командировки – 6 июля 1941 года. Удивительно, что этот документ, залитый болотной водой, сохранился у меня по сей день.

В 1994 году мне потребовалось подтверждение моей деятельности в тылу врага в первые дни войны. Я послал запрос в соответствующие органы, долго ждал ответа. Казалось, просьба моя не будет удовлетворена. Но произошло чудо: почти одновременно из нескольких организаций пришли документы.

Из пяти приведу только два:

Архивная справка

09.09.94. № 1121

«По документам архивного фонда Ленинградского штаба партизанского движения установлено, что в списке лиц, отобранных в Красногвардейском райвоенкомате для использования по линии разведотдела Северного фронта, значится Бобров Михаил Михайлович, 1923 года рождения, место работы: завод № 357, проживающий по адресу: М. Пушкарская, д. 22, кв. 5.

В графе «Примечание» записано: «Наземник».

Список находится в деле списков партизан г. Ленинграда за июль 1941 – май 1942 г.

Директор архива *И.П. Бабурин*

Зав. отделом *Т.Н. Снегова*».

Архивная справка

Министерство обороны. Войсковая часть 61379

11 октября 1994 г. 103160, Москва, К-160

«Бобров Михаил Михайлович, 1923 г. рождения, уроженец г. Ленинграда, с 23 июля по 4 августа 1941 года в составе разведывательной группы под командованием Лебедева В.Д. выполнял особое задание командования разведотдела штаба Ленинградского фронта в тылу немецко-фашистских войск. Группа успешно выполнила задание.

Справка выдана на основании архивных документов войсковой части 61379.

Заместитель командира войсковой части 61379

А. Сивец».

Таких забросов в тыл противника было пять, один тяжелее другого. Гибло много смелых и способных разведчиков, особенно в первые дни войны. Так, например, мой отряд, заброшенный в тыл к немцам в ночь на 7 июля, был разбит полностью. Мы понесли большие потери. Вернулись домой единицы. В их числе и я – мне повезло.

Боевой опыт и умение приобретались кровью и тяжелым ратным трудом. В дальнейшем была налажена четкая работа по развертыванию широкой деятельности разведывательных и диверсионных групп, а также партизанских отрядов в тылу фашистов.

За годы войны в Ленинградской области партизаны уничтожили более 100 тысяч вражеских солдат и офицеров, спасли свыше 400 тысяч советских людей от рабства и истребления. Уничтожали военную технику, взрывали мосты, дороги, военные эшелоны, отвлекая на себя часть немецкой армии, чем оказали неоценимую помощь бойцам и командирам Ленинградского фронта, а также жителям блокадного города.

На нескольких страницах не уместить подробное описание короткого промежутка времени моего участия в боевых действиях в тылу врага. Все это требует особого осмысления, дополнительного сбора материала, подробного освещения работы всех наших боевых групп и описания каждого действующего лица в отдельности. Они заслуживают этого – верные и надежные товарищи, которые и в беде никогда не оставят, и сами первыми прикроют друга. О моих друзьях-разведчиках надо писать книгу, а не две-три странички. Это мой долг.

Совершенно согласен с теми, кто, характеризуя таких людей, их мужество, надежность, честность в сочетании с высокими нравственными качествами, говорит коротко: «Я бы с ним пошел в разведку...» Эти люди научили меня собранности, умению отвечать за свои действия и поступки, быть внимательным к себе и к окружающим, уметь держать слово и всегда помогать в беде своим товарищам.

С оставшимися в живых мы ежегодно встречаемся на общих ветеранских собраниях партизан или 5 ноября, в День российской военной разведки, в здании Разведывательного управ-

ления на Английской набережной, которое, кстати, имеет свою интересную историю. В 1764 году оно было приобретено у наследников князя Куракина специально для размещения в нем Ведомства военной разведки и контрразведки, так называемой Коллегии иностранных дел. Интересным является и тот факт, что 9 июня 1817 года воспитанник Царскосельского лицея Александр Пушкин вместе с шестью однокашниками получил назначение в Коллегию иностранных дел на должность переводчика. Все они начали службу с подписки о неразглашении государственных тайн. Двумя днями раньше этот документ подписал Александр Грибоедов.

Моя военная служба началась с разведки, которая в сочетании с активными занятиями спортом дала мне хорошую физическую и психологическую закалку на всю жизнь и особенно пригодилась в Вооруженных силах, где я прослужил 32 года. Но в этой книге основной разговор пойдет о маскировщиках куполов и шпиелей – людях, влюбленных в свой город, спасших его красоту в тяжелое блокадное время.

Глава 2

Взгляд на город

*Наберу высоту – и мгновенно
Из простора, где звезды горят,
Разгляжу я столицу Вселенной:
Петербург – Петроград – Ленинград.*

В. Шефнер

В любое время года прекрасен наш город. Его мосты, величественные на Неве, ажурные и изящные на каналах и малых реках, его золотые вершины, бликующие и отражающиеся в зеркале вод, придают неповторимость ленинградскому – петербургскому пейзажу. Особенно красиво смотрятся шпили и купола в разных ракурсах с акватории Невы и залива. Днем они словно горят на солнце в голубоватой и дымчато-серой северной палитре красок, ночью сверкают в темноте, подсвеченные луной или прожекторами. Ими любуются все. Они вдохновляют художников и поэтов.

В Государственном музее истории Санкт-Петербурга хранятся хромофотография Ж. Бернардацци «Панорама Петербурга» первой половины XIX века и гравюра А. Апперта «Общий вид Петербурга» второй половины XIX века. На них хорошо просматриваются более ста доминант – высотных сооружений, в основном культового значения.

Именно эти вертикали, устремленные ввысь, диктовали гармонию и контрастность, ритм, разнообразие и особую выразительность общему силуэту города. Положительное значение ярких архитектурных доминант для облика приморского города, расположенного на ровной местности, было хорошо известно еще первым строителям Петербурга. В те времена выразительным силуэтом обладали многие ганзейские, в том числе прибалтийские города, природные условия которых близки к нашим. Башни соборов и ратуш в Таллине, Риге, Гданьске, Стокгольме, Копенгагене, Гамбурге и в других городах увенчаны изящными многоярусными фонариками или шпилями. Такие сооружения, как маяки, издали читаются с морских просторов, а вблизи поражают своей устремленностью ввысь, эффектно контрастируя с водным пространством и низкими берегами.

Оригинальная форма и живописная трактовка «светлой иглы» характерна и для невских берегов. Пример этому – различные композиции в расстановке шпилей и куполов.

Все высотные сооружения старого Петербурга размещались вблизи набережных и на прилегающих к ним прибрежных площадях, но на значительном удалении от берегов. Их шпили и купола были видны издали не только со стороны моря, но и с прилегающей пригородной местности, выполняя роль пространственных архитектурных доминант. Так, например, шпиль Петропавловского собора (122,5 метра) определил направление старой Царскосельской «перспективы». В сторону этого шпиля был направлен и целый веер улиц и переулков Городского острова (Петроградская сторона), где крайними являлись Большая Дворянская (ул. Куйбышева) и Александровский проспект (проспект Добролюбова). Интересно отметить, что шпиль Петропавловского собора находится в створе Пулковского меридиана.

Второй центр Ленинграда – шпиль Адмиралтейства (72 м). На него ориентированы Невский, Измайловский проспекты, Гороховая, Миллионная и Галерная улицы. Позднее на главные шпили города направлялись прямые трассы трех первых железных дорог: Николаевской (Московской) и Царскосельской (Витебской) – на шпиль Петропавловского собора, а Варшавской – на Адмиралтейскую иглу. Не их ли имел в виду Н.В. Гоголь, когда в статье «Об архи-

текстуре нынешнего времени» писал: «Башни огромные, колоссальные необходимы в городе... Кроме того, что они составляют ему вид и украшения, они нужны для сообщения городу резких примет, чтобы служить маяком, указывавшим бы путь всякому, не допуская сбиться с пути».

В настоящее время в нашем городе осталось около сорока доминант. Разрушены прекрасные творения русской культовой архитектуры: Сергиевский собор, Вознесенская, Знаменская, Покровская, Благовещенская, Матвеевская, Мирониевская, Воскресенская, Успенская, Борисоглебская, Введенская и многие другие церкви. Некоторые из них были построены на народные деньги, собранные в честь победы русского оружия над шведами, французами, турками.

Как известно, враг никогда не ступал на улицы нашего города, но следы войны остаются надолго. Многие ленинградцы помнят дни, когда перестал сверкать могучий шлем Исаакиевского собора, померкли шпили Адмиралтейства, Инженерного замка, погасло сияние шпилей Петропавловского и Никольского соборов, Крестовоздвиженской и других церквей. Это была война.

ИЗ ДНЕВНИКА: 7 сентября 1941 года

«Вот и замкнулось кольцо блокады вокруг города. У Финского залива немцы в Стрельне, у Ладожского озера в Шлиссельбурге. 2 сентября Исполком Ленсовета снизил нормы снабжения продовольствием. Рабочие получают 600 граммов хлеба в день, служащие – 400 граммов, иждивенцы – 300 граммов.

Сегодня, в понедельник вечером, после массивной бомбежки загорелись деревянные Бадаевские продовольственные склады.

Что теперь нас ждет?

Полыхает огнем и моя родная Петроградская сторона, где я родился и вырос, здесь мой дом. Горят в саду Госнардома «американские горы», самый любимый аттракцион ленинградцев. Сухие деревянные конструкции вспыхнули от зажигательных бомб в секунду. Пламя гигантского костра освещало весь город, отражаясь в Неве, полыхало на шпилях, куполах, в окнах зданий. В эту бомбежку на Петроградской стороне появились первые разрушенные дома. В зоологическом саду погибла всеми любимая слониха Бетси...»

ИЗ ДНЕВНИКА: 14 сентября 1941 года

«Фашисты методично бомбят и обстреливают город из тяжелых орудий. Это изуверская тактика террора. Немцы бьют по школам, госпиталям, трамвайным остановкам, проходным фабрикам и заводам, по любым скоплениям людей и военным объектам.

Я еще нахожусь в госпитале. Возвращаясь из тыла противника, при переходе линии фронта я был контужен. Дело идет на поправку. Плохо слышу, и побаливает голова, но хожу уже без палочки, головокружения прекратились, чувствую себя уверенно.

В госпитале меня навестил Алоиз Земба, мой друг-альпинист. Он в финскую войну был тяжело ранен, сражаясь в составе лыжного батальона. С ним вместе до войны мы ходили в одной альпинистской связке в горах. От службы в армии он после ранения освобожден подчистую.

Алоиз сообщил, что ищут альпинистов для маскировочных работ, и пригласил участвовать в этом интересном деле».

25 июля 1941 года была создана специальная служба технической маскировки города, штабом которой стало Архитектурно-планировочное управление Исполкома Ленгорсовета под руководством главного архитектора города Н.В. Баранова. По решению штаба маскировоч-

ными сетками был укрыт Смольный, в котором, кроме руководящих партийных органов, располагался Военный совет фронта – сердце и мозг обороны города. Осенью это была сетка с нашитыми на нее искусственными желтыми листьями. Зимой она менялась на белую – под цвет снега. Благодаря камуфляжу Смольный сливался с окружающим его парком, был совершенно неразличим с воздуха. Камуфляж применялся и в других местах города.

Под маскировочные сети были спрятаны военные корабли, стоявшие на Неве, батареи зенитных орудий и некоторые трамвайные пути. Огромные футляры из мешков с песком укрыли многие памятники: Медный всадник,

В.И. Ленину у Финляндского вокзала, С.М. Кирову у здания Кировского райсовета и др. Сняли с постаментов скульптуры коней с Аничкова моста и памятник Петру I у Инженерного замка. . . Неукрытыми оставались только монументы великим русским полководцам: Суворову, Кутузову и Барклаю-де-Толли, которые вдохновляли на подвиг защитников города-воина.

Немцы продолжали ежедневно систематически прицельно обстреливать город. Люди прятались в укрытиях. Входы в учреждения и магазины обкладывали мешками с песком. Чтобы сократить число человеческих потерь, меняли начало рабочих смен, переносили трамвайные остановки, переводили госпитали и школы в другие помещения. На стенах домов появились надписи: «При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна». Было очень много жертв. Конечно, вражеская разведка сообщала о перемещении наших объектов. Но как немецкие артиллеристы могли так прицельно бить по новым целям?

Наши разведчики проникли на вражеские артиллерийские позиции в район железнодорожной станции Дудергоф (ныне ст. Можайское), на Воронью и Кирхгофскую горы и на Гостилицкие высоты за Петергофом и, захватив двух «языков», доставили их в город. У немецких артиллеристов в планшетах нашли круглые пеналы, в которых лежали свернутые в рулоны фотографии панорамы города, сделанные мощными фотообъективами. Упомянутые высоты, откуда били немцы, находились на юге и юго-западе. Слева на фотографии были видны высокие порталные краны в морском порту. Красные стрелки указывали, сколько километров до кранов, а синие – сколько метров до объектов (Балтийского завода, Адмиралтейской верфи или стоящих у заводских стен кораблей). Видим купол Исаакиевского собора, и вновь красная стрелка, указывающая километраж, и синие – метраж до различных объектов. И так до всех бликующих доминант: Адмиралтейства, Петропавловки, Инженерного замка, вплоть до Александрово-Невской лавры, с указанием количества километров и метража. Особенно четко были отмечены все бликующие доминанты: шпили, купола, кресты, луковки, маковки. Это были своего рода артиллерийские привязки, ориентиры, благодаря которым фашисты вели точный прицельный огонь по объектам. Весь город на фотографии был разбит на квадраты, а все подлежащие обстрелу объекты – помечены номерами: Эрмитаж – № 9, Дворец пионеров – № 192, и так все театры, музеи, школы, заводы, госпитали. Эту фотографию я видел несколько раз и хорошо ее помню. С Вороньей горы и сейчас невооруженным глазом хорошо просматриваются яркие, ослепительно блестящие на солнце золотые шпили и купола.

Стало ясно, что все бликующие точки города необходимо спрятать от врага, замаскировать. Но как это сделать? Здесь наличие резких примет города, упомянутых Н.В. Гоголем, приобретает обратное, негативное значение.

Командование Ленинградского фронта и Исполком Ленгорсовета поручили разрешить эту сложную задачу Управлению культуры. Начальник управления Б.И. Загурский собрал экстренное совещание в Государственной инспекции охраны памятников, которая помещалась тогда на Фонтанке, в здании Большого драматического театра.

Долго советовались, спорили. Нужно было срочно решить, чем замаскировать доминанты города и как это осуществить в кратчайшие сроки. Предложения были различные,ходящие до абсурда. Один из крупных «специалистов» предложил разобрать все золотые купола и шпили. Против этой идеи буквально восстали и разнесли ее в пух и прах главный архитектор

города Н.В. Баранов и начальник Государственной инспекции охраны памятников Н.Н. Белехов. Другое предложение заинтересовало: построить леса и с их помощью закрыть бликующие вершины города. Но где взять столько материалов, когда все шло на строительство оборонительных сооружений? Любая зажигательная бомба, попавшая на леса, сожжет их.

Один военный предложил использовать для маскировочных работ аэростаты воздушного заграждения. Попробовали. Аэростат сносило осенним балтийским ветром, подвешенного на стропах человека раскачивало, как на гигантских качелях. К объекту подступиться было невозможно. Прошло предложение молодого архитектора Василеостровского района Н.М. Уствольской. Наталья Михайловна, сама альпинистка, предложила использовать для этих работ находящихся в городе альпинистов. Она убедила присутствующих, что, используя альпинистскую технику восхождения, спортсмены справятся с этой сложной задачей. Так родилось решение пригласить для маскировки спортсменов-альпинистов.

Кстати, такой опыт был еще в Первую мировую войну, когда немцы бомбили Париж с воздуха. Они делали это с цеппелинов. Огромные серебристые «сигары» дирижаблей бесшумно появлялись в ночном небе, ориентируясь на цели по бликующим и ярко выраженным силуэтам доминант, наводя страх на парижан. Город в ту пору оставался беззащитным. Выручили французские альпинисты, замаскировавшие золотые пятна столицы и укрывшие их сетями.

Но где найти в Ленинграде альпинистов, когда большинство спортсменов уже давно на фронте? За поиски взялась Уствольская. Первой она отыскала свою подругу Ольгу Фирсову, которая начала поиски товарищей по альпинистской секции добровольного спортивного общества «Искусство». Фирсова отыскала Алю Пригожеву, а та – Алоиза Зембу. Алоиз, в свою очередь, нашел в госпитале меня. Вот так и сформировалась бригада маскировщиков-верхолазов.

ИЗ ДНЕВНИКА: 16 сентября 1941 года

«Нашу четверку – Олю, Алю, Алоиза и меня – вызвали на совещание в Управление культуры Ленгорисполкома к его начальнику Б.И. Загурскому. На совещании присутствовало много военных и гражданских лиц. Здесь были представители штаба Ленфронта, МПВО, Архитектурно-планировочного управления и Инспекции охраны памятников.

После нескольких вступительных слов главный архитектор города Н.В. Баранов сообщил, что нам хотят поручить выполнение особо важного задания – приступить к маскировке высотных объектов, позолота которых выдавала врагу наш любимый город.

Беседа с нами продолжалась около часа. Мы приняли предложение о маскировке и составили перечень материалов, инвентаря, необходимых для производства работ.

Нашу бригаду верхолазов подчинили начальнику Инспекции по охране памятников Н.Н. Белехову, обаятельному человеку, сразу располагающему к себе. На него возложили всю ответственность за выполнение этого сложного задания. Высокий военный с двумя ромбами в петлицах сообщил, что завтра будет готов приказ командования фронта о начале маскировочных работ...»

На следующий день в кабинете Н.Н. Белехова продолжался деловой спор по поводу окраски шпилей и куполов. Архитекторы О. Шилина, С. Давыдов, Н. Уствольская, инженер Л. Жуковский уточняли детали и методику маскировки.

Шпиль Петропавловского собора решили покрыть шаровой масляной краской, которой красят военные корабли, ею уже были покрыты купол и звонницы Исаакиевского собора. Эта краска хорошо сливается с осенним мглистым ленинградским небом и плохо просматривается с артиллерийских позиций фашистов. Позолота на этих соборах производилась с помощью гальванопластики, через огонь и держится прочно, поэтому серый камуфляж в дальнейшем

можно спокойно снять химикатами, не повредив позолоты. Все остальные шпили и купола предложили закрывать чехлами, так как они покрыты тончайшими листами сусального золота, посаженными на клей, и если маскировочную серую краску с этих шпилей смывать химикатами, то снимется и тончайшая позолота.

Гладкие, с вертикальным взлетом шпили, колеблющиеся на ветру, – это совсем не горы. Так, например, при сильном ветре амплитуда раскачивания шпиля Петропавловского собора доходит до 1,8 метра. Технику альпинизма надо было приспособить к совершенно непривычным условиям. Каждый объект маскировки имел свою неповторимую форму и конструкцию, требовал особого подхода. Но никто из будущих маскировщиков не мог похвастаться опытом подобной работы, за исключением, пожалуй, Алоиза Зембы, который обучал технике альпинистской страховки рабочих-ремонтников при маскировочной работе купола и звонниц Исаакиевского собора. По его методике и с его помощью рабочие покрасили золотой купол серой краской за неделю. Красили несколько человек сразу со всех сторон, спускаясь сверху по куполу на веревках, закрепленных за перила у верхнего фонарика. Купол Исаакиевского собора окончательно покрасили 11 июля 1941 года.

Прежде чем начать рассказывать о штурме вершин блокадного Ленинграда и трудной, изнурительной работе, следует более подробно рассказать о каждом верхолазе нашей дружной бригады, выполнявшей эти сложные маскировочные работы.

Глава 3

Основные участники маскировочной бригады

*Хормейстер, тренер, альпинист,
Великой силы оптимист,
Надежный друг и просветитель,
В войну златых вершин хранитель.
Прошли вы через все невзгоды,
Но не состарили вас годы.
Ваш дух был молод и силен...
Примите низкий наш поклон.*

М. Бобров

Ольга Афанасьевна Фирсова (1911–2005)

Родилась в 1911 году в Швейцарии. Первые годы своей жизни провела в небольшом швейцарском городке Винтертуре, где в те годы жили ее родители, здесь она впервые увидела горы. Ольга Афанасьевна хранила любопытный документ величиной с газетный лист. Это диплом ее отца – Афанасия Осиповича, свидетельствующий об окончании им в 1910 году Высшего технического училища в Германии. Афанасий Осипович был среди специалистов, которые с первых же дней приняли советскую власть. Ольга Афанасьевна показывала мне фотографию своего дома в Винтертуре, где она родилась и жила. Фотографию сделала Оля, дочь Ольги Афанасьевны, побывавшая в командировке в Швейцарии и посетившая этот дом. На цветной фотографии виден четырехэтажный дом, прекрасно сохранившийся, удивительно аккуратный.

Семья Фирсовых проживала в квартире на третьем этаже. Афанасий Осипович воспитал у дочери любовь к спорту. Еще совсем маленькая Ольга часто мчалась с отцом по головокружительным ледяным склонам на санях и отлично каталась с гор на лыжах.

В 1914 году семья решила вернуться в Россию. Фирсов, инженер по дизелям, заранее списался с Коломенским паровозостроительным заводом, куда и устроился на работу. Революция застала Фирсовых в Нижнем Новгороде. Теперь отец трудился на эвакуированном из Риги заводе «Фельзер и К^о». Оля Фирсова на крутых приволжских склонах Нижнего Новгорода успешно осваивала катание на горных лыжах, удивляя своим мастерством нижегородцев.

В 1929 году семья Фирсовых переехала в Ленинград, где отец начал работать на заводе «Русский дизель». В 1930 году Афанасия Осиповича арестовали. Он был осужден на пять лет лишения свободы. Однако личность арестованного талантливого инженера А.О. Фирсова, находившегося в то время в Москве, на Лубянке, привлекла внимание наркома тяжелого машиностроения С. Орджоникидзе, не желавшего терять ценных специалистов, в которых остро нуждалась бурно развивающаяся промышленность страны. Афанасия Осиповича расконвоировали и назначили начальником конструкторского бюро Т-2. Это было специальное КБ по разработке конструкции быстроходного танка. Фирсовым и его сотрудниками были разработаны танки, которые успешно выдержали испытания и хорошо зарекомендовали себя в боях в Испании и под Халхин-Голом. На одном из военных парадов на Красной площади Афанасий Осипович Фирсов собственноручно провел новый танк на большой скорости впереди колонны бронетанковых частей.

14 марта 1937 года в Харькове он был снова арестован. 10 декабря 1937 года А.О. Фирсова приговорили к расстрелу, и в тот же день приговор был приведен в исполнение. Только 12

июля 1957 года Военная коллегия Верховного суда СССР полностью реабилитировала Афанасия Осиповича Фирсова за отсутствием состава преступления.

«Влияние отца на нас, детей, было очень сильным, – вспоминала Ольга Афанасьевна. – Мы ошущали его, даже когда отца не было... его слова, его голос. Он был большим патриотом и очень требовательным. Все, о чем он просил, мы выполняли беспрекословно. Авторитет его в семье был непререкаем».

С Олей отец очень дружил. Ее смелость ему импонировала. Афанасий Осипович поддерживал в детях рискованные начинания. Мать никогда не возражала.

Порядочность, чувство долга и ответственность были само собой разумеющимися понятиями в этой удивительной семье. Оля росла очень общительной. Делала все в жизни добросовестно и сноровисто, должно быть, это было заложено в генах. Однажды отец спросил Олю, не хочет ли она научиться играть на рояле. Девочка сказала, что хочет. После этого в доме появился огромный рояль. Оле шел тогда одиннадцатый год. И Афанасий Осипович не мог предполагать тогда, что сам predetermined будущую профессию дочери. Оля начала заниматься музыкой с учительницей. Поначалу музыкой увлекался и брат Игорь. Но скоро бросил это занятие, охладел. Оля не бросила.

Поступила учиться в музыкальное училище Василеостровского района Ленинграда. Одновременно преподавала музыкальное воспитание в 105-й школе для трудновоспитуемых детей. Отсюда с 1929 года и начался отсчет ее трудового стажа. В это же время она экстерном сдала вступительные экзамены в московский вуз по специальности «Электромашиностроение». Через год от инженерной карьеры отказалась окончательно, решила учиться в консерватории.

Для того чтобы заработать на жизнь, она не гнушалась никаким трудом: убирала туалеты, чистила железнодорожные пути, работала грузчиком, официанткой, гардеробщицей, сборщицей радиодеталей...

Жила Ольга в то время на улице Максима Горького в доме № 27. Ниже этажом жил известный дирижер Карл Ильич Элиасберг.

Ее альпинистская тропа началась с того, что отец, впервые в жизни получив отпуск, отправился с шестнадцатилетней Олей в Крым, где путь от Севастополя до Алушты они прошли по горному маршруту. Этот поход оставил у нее на всю жизнь неизгладимое впечатление – она влюбилась в горы.

В консерватории сложилась хорошая студенческая спортивная компания. Всем дружным коллективом в выходные дни выезжали в Кавголово кататься на горных лыжах. Там ее и увидел студент Михаил Шестаков. В консерватории он занимался по классу виолончели, а Оля – по классу хорового дирижирования.

С Мишей Шестаковым Олю объединяла не только музыка, но и спорт. Горами ее окончательно увлек Шестаков. Он был отличным горнолыжником и альпинистом.

В 1935 году Оля совершила свое первое восхождение на Казбек. Покорение этой вершины ей далось легко. Она унаследовала от отца хорошее здоровье. Была крепкой и в то же время пластичной, подвижной. Сила, соединенная с ловкостью, дала хорошие результаты в освоении горнолыжной техники.

Вместе с Мишей они работали в Кавголово тренерами по горным лыжам с группами школьников в секции добровольного спортивного общества «Искусство», где тогда активно занимался со своими одноклассниками и я. Это был очень дружный спортивный коллектив. Наши инструкторы Михаил Иванович и Ольга Афанасьевна (мы тогда называли их только по имени и отчеству) не только демонстрировали сами высочайшую технику спусков с гор, но и благодаря своему педагогическому мастерству быстро передавали нам азы виртуозной езды на лыжах. Но простыми практическими уроками дело не ограничивалось. Мы слушали рассказы о музыке, горах, выдающихся альпинистах. Тренеры, в свою очередь, интересовались нашими

успехами в школе. Вместе мы встречали Новый год в кавголовском лесу и катались там на лыжах на северных склонах до самых майских праздников.

Ольга Афанасьевна умела находить ключик к сердцам девчонок и мальчишек.

Она их привораживала к себе постоянной интереснейшей и увлекательной информацией на различные темы, была для нас в полном смысле этого слова наставником. Мы часто заходили в гости к Шестаковым.

В их доме на улице Блохина в одной из комнат стоял большой рояль. Мы рассаживались вокруг и, притихнув, слушали домашний концерт. А потом обязательно пили чай – и вновь рассказы о горах, просмотр фотографий...

В довоенные годы Ольга Афанасьевна серьезно увлекалась альпинизмом. Вместе с Мишей они совершили ряд интересных восхождений на различные вершины Кавказа, в том числе на Эльбрус. Эта несложная по технике вершина тяжело досталась Фирсовой. Спортсмены попали в непогоду – снежный буран. Оля тогда сильно обморозила ноги, даже вставал вопрос об их ампутации.

Летом 1938 года Оля и Миша поженились. Они снова уехали на Кавказ, работали инструкторами в альпинистском лагере «Буревестник» на Домбае. В том же году Шестаков и Фирсова закончили обучение в консерватории и получили назначение в Киргизию, во Фрунзе, где Оля стала работать хормейстером в Оперном театре и художественным руководителем местной филармонии.

В 1940 году Оля и Миша возвратились в Ленинград. Олю назначили руководителем дошкольного клуба музыкально одаренных детей Дворца культуры имени С.М. Кирова.

А потом была война, блокада... Наташа Уствольская нашла Олю Фирсову и пригласила ее принять участие в маскировке Ленинграда, когда та работала в порту на погрузке ящиков с минами.

Александра Ивановна Пригожева (1920–1942)

*Какой погиб цветок!
Какая красота увяла!
Опал твой каждый лепесток —
Все у тебя война отняла.*

М. Бобров

Об Александре Пригожевой у меня было очень мало достоверных сведений. Мы с Алей (как ее все звали в нашем окружении) вместе до войны занимались в горнолыжной секции в Кавголове, встречались на тренировках и выезжали на Кавказ, в Баксанское ущелье, в альплагерь «Рот Фронт».

Я знал, что у нее есть две сестры. Но как их разыскать? Неожиданно мне повезло: 26 января 1988 года после окончания моей лекции о блокадных маскировщиках в Центральном лектории Всесоюзного общества «Знание» на Литейном проспекте ко мне подошла женщина и представилась родной сестрой Али Пригожевой. Это была Нина Ивановна Казачек (Пригожева). Мы назначили с ней встречу, и именно она поведала мне о нелегком детстве своей сестры.

«Аля родилась в 1920 году, – рассказала она. – Я похожа на маму, а Аля и наша сестра Катя – на папу. У отца были каштановые волосы, красивые белые зубы. Из деревни мы приехали в город с узлами. В них старая одежда и ничего больше. У детей из всей одежды – толстовка и пальтишко. Вот и весь наряд. И у мамы то же самое. Нужда – не передать! Отец

поступил на завод «Вулкан» в литейный цех обрубщиком, мама – уборщицей на завод имени Козицкого.

Первые два года скитались по углам. Потом наконец переехали на Васильевский остров, 4-я линия, дом 47. Училась Аля в школе № 27 (потом она стала школой № 4). И я в ту же школу пошла. Отец был передовиком. Помню, носил знамя на демонстрации. Мы его встречали у Тучкова моста и кричали, радуясь: «Папа, папа флаг несет!»

Аля росла очень общительной, занималась спортом и меня к этому делу тянула. Она в игрушки не играла. Любила книги читать, неплохо умела шить, посещала кружок пения и драматический. Аля всегда ходила на физкультурные парады. В то время что надевали? Трусики и футболки полосатые – и уходили так на Дворцовую площадь. Возвращалась домой радостная, вся светилась. А в доме есть нечего. Она очень стеснялась нашей бедности, поэтому к себе никого из друзей не приглашала. У Али были хорошие отношения со всеми.

Мы ее очень любили. Она хорошо училась, ее хвалили учителя, а она ими восторгалась. Однажды отец сказал: «Доченьки, пробивайте дорогу сами, я уже не могу, мне очень тяжело». Пришлось Але уйти из девятого класса. Маме она тогда сказала: «Я буду жить самостоятельно». Работала Аля в типографии: сначала на ручном наборе, потом разбирала гранки. На ее исполнительность и прилежность обратили внимание и пригласили работать секретарем в добровольное спортивное общество «Искусство», которое находилось на Невском проспекте в бывшем Юсуповском дворце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.